

На следующий день рано утром мы с Ксодаром начали разрабатывать план побега. Я начертил на каменном полу нашей камеры по возможности точную карту южнополярных областей при помощи пряжки от моих доспехов и острия чудесного алмаза Сатор Трога. На основании этой карты я определил общее направление на Гелиум, а также расстояние от Гелиума до расселины, ведущей в Омин.

Затем я начертил карту Омина с обозначением положения Шадора и отверстия в куполе, которое вело во внешний мир.

Все это я изучил так, что эта карта навсегда запечатлелась в моей памяти.

Я старался разузнать у Ксодара привычки стражи, несшей караул у нашей тюрьмы. По-видимому, ночью стоял только один часовой. Он ходил вокруг тюрьмы, метрах в тридцати от здания. По словам Ксодара, он ходил так медленно, что ему требовалось двадцать минут, чтобы сделать полный круг. Это означало, что в продолжение пяти минут то та, то другая сторона тюрьмы оставалась без надзора, пока часовой проходил черепашьям шагом по противоположной стороне.

- Все эти сведения, - прибавил Ксодар, - будут очень полезны после того, как мы выберемся, но, ни одно из них не поможет нам решить самый важный вопрос: как выбраться?

- Прекрасно выберемся, - возразил я со смехом. - Предоставь это мне!

- Когда ты думаешь бежать? - спросил Ксодар.

- В первую же ночь, как к берегу Шадора причалит маленький челн, - ответил я.

- Но, как мы узнаем, что у Шадора причалил челн? Ведь до окон нам добраться невозможно.

- Ну, не так уж и невозможно, - возразил я. - Посмотри! - одним прыжком подскочил я к решетке окна, находившегося напротив нас, и быстрым взором окинул открывающийся из него вид. Несколько небольших барок и два крупных военных судна стояли на расстоянии ста метров от Шадора.

«Сегодня вечером», - подумал я, и был готов сообщить о моем решении Ксодару, когда внезапно открылась дверь нашей тюрьмы, и вошел страж.

Если бы этот человек увидел меня у окна, наши шансы на бегство сильно бы ухудшились. Наши тюремщики немедленно заковали бы нас в кандалы, если бы они имели малейшее представление о том удивительном проворстве, которое давали мне на Таре земные мускулы.

К счастью, страж повернулся спиной ко мне и смотрел в другую сторону. Надо мной, на высоте 15 метров находился верх перегородки, отделявшей нашу камеру от соседней. Мой единственный шанс не быть застигнутым был соскочить туда. Если бы только сторож обернулся, я был бы погибшим человеком; незаметно соскочить назад в камеру было немыслимым: страж стоял внизу так близко ко мне, что, спрыгивая, я задел бы его.

- Где же белый человек? Исса велела привести его к себе! - страж обернулся, чтобы посмотреть, нет ли меня в другой части камеры.

Я быстро лез по железной решетке, пока не встал твердо ногой на выступе окна; затем, выпустив решетку из рук, я перескочил наверх перегородки.

- Что это такое? – спросил страж, когда решетка с маху ударилась о каменную стену при моем скачке. Я успел спрыгнуть на пол соседней камеры.

- Где же белый раб? – опять раздался голос стража.

- Не знаю, – ответил Ксодар. – Он был здесь еще в тот момент, когда ты вошел. Я не сторож ему: иди, ищи его.

Черный проворчал что-то, чего я не мог понять, а затем я услышал, как он отпер дверь одной из камер, расположенных дальше. Тогда я снова забрался наверх перегородки и спрыгнул в нашу камеру около удивленного Ксодара.

- Теперь ты видишь, каким образом мы убежим? – спросил я его шепотом.

- Я вижу, каким образом ты можешь это сделать, – отвечал он мне, – но не вижу, как я переберусь через эти стены. Ведь я не могу перескочить через них, как ты!

Сторож суетливо обходил одну камеру за другой, пока, в конце концов, не вошел вновь в нашу. Когда его взор упал на меня, то глаза его чуть не выскочили из орбит.

- Клянусь скорлупой моего первого предка! – прорычал он. – Где ты был?

- Я был все время в тюрьме с той минуты, как ты вчера меня сюда посадил, – отвечал я наивно.

- Когда ты заходил в эту комнату, я был здесь же. Тебе следовало бы обратить внимание на зрение.

Он сверкнул на меня глазами, испытывая смешанное чувство гнева и облегчения.

- Иди за мной! Исса велела привести тебя к ней!

Он вывел меня из тюрьмы, оставив в ней Ксодара. У ворот стояло несколько других стражей и тот краснокожий юноша, с которым я разговаривал накануне.

Мы вновь проделали путешествие, которое я совершил накануне к храму Иссы. Стража все время отделяли меня от краснокожего юноши, так что мы не имели возможности продолжать наш разговор, прерванный прошлым вечером.

Его лицо не выходило у меня из памяти. Где я мог видеть его раньше? В каждой черте, в его походке, в его манере говорить, в его движениях сквозило что-то удивительно знакомое. Я мог бы поклясться, что знал его прежде, а вместе с тем был уверен, что никогда не видел до сих пор.

Когда мы дошли до садов, нас повели в сторону от храма, вместо того, чтобы вести к нему. Дорога велась по очаровательному парку. Его замыкала стена, окаймленная таким же пышным лесом, какой я видел у подножия гор в долине Дор.

Толпы черных людей тянулись в том же направлении, что и мы. Когда они загораживали путь, то стража грубо отталкивала их и освобождала дорогу. Наконец, мы пришли к месту нашего назначения. Это был большой амфитеатр, возвышавшийся на дальнем конце долины, на расстоянии километра от садовых стен.

Черные люди бросились в амфитеатр через массивные сводчатые ворота и поспешили занять свои места, между тем как нас повели к меньшему входу у одного из конца здания.

Через этот вход нас ввели в помещение под местами зрителей, обнесенное крепкой решеткой. Здесь находилось некоторое количество других пленников, согнанных вместе под присмотром воинов. Иные из них были в кандалах, но большинство казалось такими запуганными присутствием стражи и всей окружающей обстановкой, что всякая возможность бегства для них была исключением.

Пока мы шли из Шадора, мне не пришлось поговорить с моим товарищем по заключению; однако теперь, когда мы были благополучно доставлены и заперты в надежном загоне, наши стражи ослабили бдительность. Я смог, наконец, подойти к юноше, к которому чувствовал такое странное влечение.

- Что это за сборище? - спросил я его, - и чего они хотят от нас? Должны ли мы сражаться на потеху перворожденным, или нам предстоит испытать что-нибудь еще худшее?

- Это один из ежемесячных обрядов Иссы, - ответил юноша. - Время, когда черные люди смывают грехи со своих душ в крови людей, пришедших из внешнего мира. Если случайно во время этих сражений оказывается убитым черный человек - это является уликой его неверности Иссе и считается смертным грехом, если же черный человек выживает в борьбе, то он освобождается от обвинения, которое навлекло на него необходимость защищаться.

Мы должны принимать участие в очистительном обряде. Виды борьбы - разные, количество черных людей вдвое больше. Нас могут также заставить вступить в единоборство с диким зверем или каким-нибудь знаменитым черным воином.

- Ну, а если мы выходим из борьбы победителями, - спросил я, - тогда что - свобода?

Юноша рассмеялся.

- Ждите! Единственная свобода для нас - смерть. Никто из вступивших в царство перворожденных никогда не покидает его. Если мы окажемся искусными бойцами, то получим позволение сражаться чаще. Если же мы слабые бойцы, то... - рассказчик только пожал плечами. - Впрочем, рано или поздно мы умрем на арене, - прибавил он.

- А ты часто сражался? - спросил я его.

- Очень часто, - вспыхнув от удовольствия, ответил он. - Это моя единственная радость. Меньше чем за год я отправил на тот свет несколько сотен черных дьяволов на этих обрядах Иссы. Моя мать очень гордилась бы мною, если бы только знала, с какой честью я поддерживаю славу отца.

- Твой отец, наверно, был могучим воином, - сказал я. - В свое время я был знаком с большинством воинов Мусраба; вероятно, я знал и его. Кто был твой отец?

- Мой отец...

- Идите же, идите! - раздался грубый голос стражника. - Марш на арену!

Вслед за этими словами мы были грубо вытолкнуты на крутой спуск, ведущий в расположенные далеко внизу клетки, из которых был выход прямо на арену. Амфитеатр, как и везде на Мусрабе, был построен в обширной котловине. Только самые верхние места, образовавшие низкую стену вокруг воронки, возвышались над уровнем почвы. Сама же арена находилась значительно ниже поверхности. Под нижним ярусом мест для зрителей имелся ряд загороженных клеток, выходивших, прямо на арену. В них то нас и загнали. К несчастью мой

юный друг не оказался в одной клетке со мной.

Как раз напротив моей клетки возвышался трон Иссы. На нем на корточках, сгорбившись, сидела ужасная старушонка, окруженная сотней красавиц-рабынь, облаченных в роскошные уборы. Блестящие переливчатые ткани странного покроя образовывали как бы балдахин трона.

По четырем сторонам трона, в нескольких метрах ниже, выстроилась локоть в локоть стража из вооруженных до зубов солдат. Напротив этой группы находились высшие сановники этих мнимых небес – ярко-черные люди, усыпанные драгоценными камнями; лбы их были украшены золотыми обручами, знаками их достоинства.

По обеим сторонам трона расположилось множество людей, заполнявших снизу доверху весь амфитеатр. Женщин было столько же, сколько и мужчин. Все были одеты в доспехи удивительно художественной работы, с обозначением общественного положения и рода. При каждом черном было от одного до трех рабов – людей внешнего мира. Черные все «благородны», среди перворожденных простонародья нет. Самый последний солдат является богом и имеет прислуживающих ему рабов.

Перворожденные не заняты никакой работой. Мужчины, правда, сражаются – это их священная привилегия и долг – сражаться и умереть за Иссу. Зато женщины ничего не делают. Рабыни их моют, одевают и кормят. Есть даже такие, за которых рабыни говорят. Во время обряда я видел одну женщину, которая сидела с закрытыми глазами, а рабыня рассказывала ей о событиях, происходивших на арене.

Первой частью церемонии было принесение жертвы Иссе. Эта жертва знаменовала собой кончину несчастных, которые за год до этого лицезрели божественную славу богини. Их было десять – блистательные красавицы из гордых дворов могущественных джеддаков и из храма святых жрецов. В течение года они служили в свите Иссы; сегодня они платили жизнью за эту божественную привилегию. Завтра они украсят собой столы придворных чиновников.

Девушек вывели на арену. За ними вышел огромный черный человек. Он тщательно их осмотрел, пощупал их тела и потыкал между ребрами. Затем, выбрав одну, он повел ее к трону Иссы и обратился к богине с несколькими словами, которых я не мог расслышать. Исса кивнула. Черный, поднял руки над головой, в знак приветствия, схватил девушку и потащил ее с арены, через небольшую дверь, находившуюся под троном.

– Исса вкусно пообедает сегодня, – промолвил находившийся возле меня пленник.

– Что ты хочешь сказать? – спросил я.

– Это ее обед; старый Тэбис потащил девушку на кухню. Разве ты не заметил, как он выбирал самый жирный и нежный кусок?

Я пробормотал проклятия в адрес чудовища, сидевшего напротив нас на пышном троне.

– Не кипятись, – увещевал меня мой сотоварищ. – Ты увидишь кое-что похуже, если проживешь, хотя бы месяц среди перворожденных.

Я обернулся как раз в тот момент, когда решетка соседней клетки открылась и выпустила трех чудовищных белых обезьян, одним прыжком очутившихся на арене. Девушки в испуге сбились в кучу и замерли. Одна из них на коленях с мольбой простирала руки к Иссе, но чудовищное божество только слегка подалось вперед, предвкушая потешное зрелище, которое сейчас состоится. Обезьяны скоро заметили сбившуюся в ужас кучку девушек и бросились на них,

испуская дикие крики взбесившегося животного.

Мною овладел припадок неудержимой ярости. Жестокая подлость твари, злобный ум которой придумывал такие ужасные формы пыток, глубоко взволновали меня. Кровавый туман застлал мои глаза – тот туман, который всегда предвещал гибель моих врагов.

Сторож стоял, небрежно облокотившись у открытой двери клетки, в которую я был заключен. В самом деле, к чему решетка, только мешающая бедным жертвам броситься на арену, которая велением богов предназначалась быть их лобным местом!

Одним ударом черный страж был опрокинут на землю. Схватив его меч, я выпрыгнул на арену. Обезьяны уже почти подмяли под себя девушек, но для моих земных мускулов понадобилось всего несколько могучих прыжков, чтобы очутиться около них.

На миг в огромном амфитеатре воцарилось молчание, а затем раздался дикий вопль из клеток осужденных. Мой длинный меч с шумом описал в воздухе круг, и одна из больших белых обезьян, обезглавленная, растянулась у ног, впавших в беспамятство девушек.

Две оставшиеся обезьяны кинулись на меня. На арене творилось нечто неопишное: злобный ропот зрителей вторил диким крикам радости, несшимся из клеток. Углом глаза я заметил, как десятка два стражей спешно двинулись ко мне по блестящему песку. Вслед за ними из одной из клеток выскочила стройная фигура. Это был тот юноша, который так очаровал меня.

Он на миг остановился перед клетками с поднятым мечом.

– Идите, люди внешнего мира! – воскликнул он. – Продадим дорого нашу жизнь! Идем за неизвестным воином, превратим нынешний день жертв Иссе в оргию мщения, весть о которой прокатилась бы сквозь века и заставила бы всякий раз бледнеть чернокожих, если бы они вздумали повторить обряд Иссы! Выходите! Перед вашими клетками есть стойки, полные мечей!

Не ожидая результата своего зова, он повернулся и прыжками направился ко мне. Громовой клич ответил на его призыв из каждой клетки, заключавшей краснокожих. Стража была смята ревущей толпой, и из разверзшихся клеток выскочили заключенные, горя радостной жадой убийств.

Стойки с мечами были немедленно опустошены пленниками, которые, вооружившись, были готовы принять участие в завязавшейся борьбе.

Большие обезьяны, вытянувшись во весь свой пяти метровый рост, лежали поверженные моим мечом, между тем, как шедшие в атаку воины находились от меня на некотором расстоянии. За ними бежал преследовавший их юноша. Сзади меня толпились девушки, и так как я сражался за них, то не двигался с места, готовясь встретить неизбежную смерть. Однако я был проникнут решимостью дорого продать свою жизнь, чтобы об этом долго помнили в стране перворожденных. Помню, что я заметил удивительную быстроту, с какой молодой краснокожий гнался за стражами. Никогда я не видел такой скорости движений среди тариан. Прыжки этого юноши мало уступали моим.

Стражи еще не достигли меня, как он напал на них с тыла, и когда они обернулись, полагая по стремительному натиску, что они подверглись нападению целой кучи врагов, я со своей стороны набросился на них. В последовавшей за этим быстрой схватке мне было трудно заметить что-нибудь, кроме движений моих непосредственных противников; однако время от времени передо мной мелькали свистящий меч и легкая фигура юноши со стальными

мускулами, и каждый раз сердце мое замирало от странного томления и могучей, хоть и безотчетной гордости.

На прекрасном лице юноши играла жестокая улыбка, и он то и дело бросал насмешливый вызов стоявшим перед ним врагам. В этом и других отношениях его манера сражаться походила на мою собственную.

Возможно, что именно это неопределенное сходство и заставило меня полюбить юношу, между тем, как ужасное опустошение, которое его меч вносил в ряды стражей, внушало мне трепетное к нему уважение.

Что касается меня, то я сражался так, как делал это тысячи раз ранее: то уклонялся от опасного удара, то быстро выдвигался вперед, чтобы погрузить острие своего меча глубоко в сердце или горло врага. Мы оба потешались таким образом, пока большой отряд лейб-гвардии Иссы не получил приказа двинуться на арену. Они выступили с дикими криками, а в это время на них бросились со всех сторон вооруженные пленники.

В течение получаса казалось, будто разверзается ад. На обнесенной стенами арене мы сражались как какие-то воюющие, изрыгающие проклятия, окровавленные демоны. Меч, молодого краснокожего, все время сверкал возле меня.

Постепенно, путем повторных приказов, я стянул пленников вокруг себя в мощную боевую единицу, так что под конец мы сражались, образуя круг, в центре которого находились девушки. Много народу погибло с обеих сторон; однако большие потери от резни понесли ряды гвардии богини. Я видел, как вестовые быстро пробежали по рядам зрителей, и по их зову, воины обнажали мечи и прыгали на арену. Они спешили подавить нас количеством.

Я уловил взгляд Иссы, наклонившейся вперед над троном. Ее отвратительное лицо было искажено гримасой, в которой ненависть смешивалась с яростью. Мне показалось, что я уловил в нем выражение испуга. Вид Иссы изменил мой план действий.

Я немедленно приказал пятидесяти пленным окружить девушек.

- Стойте на месте и защищайте их, пока я не вернусь, - скомандовал я.

Затем, обернувшись к бойцам, занимавшим внешнюю линию фронта, я крикнул:

- Долой Иссу! Идемте к трону! Мы утолим чувство мести там, где месть заслужена!

Юноша, стоявший подле меня, первым подхватил клич: «Долой Иссу!» Тогда за моей спиной и со всех сторон поднялся неистовый рев: «Долой Иссу!» Как один человек двинулись мы безудержной лавиной, катясь по телам убитых и умирающих к пышному трону тарианского божества.

Толпы храбрейших воинов, среди перворожденных, кинулись из рядов зрителей, чтобы нас задержать. Мы косили их так, как если бы это были бумажные люди.

- Вскидывайте на скамьи! - вскричал я, когда мы подошли к барьеру арены. - Десяток из нас могут взять трон!

В самом деле, я заметил, что большая часть гвардии Иссы вступила в схватку, завязавшуюся на арене. Пленники устремились к скамьям, прыгая через барьер с окровавленными мечами, алчно ожидающими новых жертв.

Весь амфитеатр наполнился стонами умирающих и раненых, звоном оружия и торжествующими криками победителей. Бок обок я и молодой краснокожий с десятком других бойцов пробили себе путь к трону. Там перед нами сомкнулись ряды уцелевшей гвардии и высших сановников перворожденных. Исса, наклонившись вперед, сидела на своем резном троне, то отдавая писклявым голосом приказания своей свите, то насылая проклятия на тех, кто стремился развенчать ее.

Окружавшие ее перепуганные рабыни, дрожа, ожидали исхода, не зная, молиться им за нашу победу или за наше поражение. Некоторые из них, вероятно, гордые дочери благороднейших воинов Мусраба, выхватили мечи из рук павших и бросились на стражей Иссы. Но они скоро были убиты, славные мученицы за безнадежное дело!

Гвардия оказала нам бешеное сопротивление, но никогда с тех пор, как Тарс Таркас и я сражались бок обок против орд Варгуна на пересохшем морском дне. Никогда с той поры не видел я, чтобы два человека бились с такой безумной жестокостью, как молодой краснокожий и я в тот день перед тронем Иссы, богини смерти и вечной жизни.

Стражи, отделявшие нас от резного трона, валились один за другим под ударами наших мечей. Их место занимали другие; однако, метр за метром, мы приближались к нашей цели.

Теперь с части скамей раздался крик: «Подымайтесь, рабы!» Он раздавался то громче, то слабее, пока не превратился в мощный звук, который огромными волнами перекатывался по всему амфитеатру. В один миг, как бы по общему соглашению, мы перестали драться. Во всех частях здания рабыни, вооруженные, чем попало, напали на своих господ. В одном месте я заметил прекрасную рабыню, которая стояла с высоко поднятым кинжалом, выхваченным из доспехов своей госпожи и обагренным ее кровью. Другие вытаскивали мечи из тел убитых; тяжелые украшения превращались в оружие. Женщины были пьяны от крови и близости мести. Пробыл час, когда они могли хоть отчасти вознаградить себя за унижения и жестокости, которым их подвергали черные господа. Те, кто не мог найти другого оружия, пускали в ход крепкие пальцы и блестящие зубы.

Как кстати пришла эта подмога! Как яростно бились рабыни! Зрелище это на минуту остановило нас, но скоро мы уже вновь занялись нашей битвой, и лишь непрекращающийся боевой клич женщин «Вставайте, рабы!» напоминал нам, что они все еще сражаются.

От Иссы нас отделял только один ряд поредевших воинов. Ее лицо покрывалось синевой и перекошилось от страха. На губах показалась пена. Казалось, она была парализована от ужаса. Теперь дрались только юноша и я. Все остальные пали в бою, и я сам едва не погиб от грозного удара, если бы какая-то рука не схватила сзади моего противника и не сдавила бы его с такой силой, что меч упал возле меня. Краснокожий юноша подскочил и проткнул моего противника, прежде чем тот успел прийти в себя. В тот момент, когда этот человек свалился, я обернулся и взглянул в глаза той, чья быстрая рука спасла меня от удара: это была Файдора, дочь Матаи Шанга.

– Беги, мой принц! – вскричала она, – дальше биться с ними бесполезно. Все уже убиты на арене, все, кто вел наступление на трон, убиты, кроме тебя и этого юноши. Лишь среди скамей осталось несколько ваших бойцов, да и те вместе с рабынями скоро будут перерезаны. Прислушайся – почти не слышно боевого клича женщин: все перебиты! На каждого из вас приходится десять тысяч черных в стране перворожденных. Постарайся пробиться в открытое поле к озеру Корус. Твоя могучая рука бойца может еще проложить себе путь к Золотым Скалам, и садам храма святых жрецов. Там расскажи о своих приключениях и, может быть, вы найдете способ вместе освободить меня. Беги, пока остается хоть какой-то шанс на спасение

бегством!

Это, не входило в мою задачу; к тому же я не усматривал существенной разницы между святыми жрецами и перворожденными.

– Долой Иссу! – воскликнул я и снова кинулся в бой вместе с юношей. Два черных пали под нашими ударами, и мы очутились лицом к лицу с богиней. Когда мой меч поднялся, чтобы пронзить ее, ее оцепенение вдруг прошло, и она пустилась в бегство, пронзительно вопя. Прямо за ней в подмостках трона внезапно разверзлась глубокая пропасть. Она бросилась в это отверстие вместе с юношей, я последовал за ними. На ее крик сбежались гвардейцы и кинулись на нас. Я получил удар в голову. Я пошатнулся и упал бы, если бы юноша не подхватил меня. Затем он повернулся, чтобы дать отпор разъяренной толпе, обезумевшей от оскорбления, нанесенного их богине, и как раз в этот момент Исса скрылась в черной глубине, разверзшейся передо мной.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/506368>